

С. В. Шешунова
ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Гражданская война, начавшаяся после революции 1917 года, стала одним из наиболее трагических явлений отечественной истории, последствия которого и поныне до конца не изжиты. Преодоление этих последствий невозможно без разностороннего исследования и осознания тех мотивов и побуждений, которые приводили людей в ряды красных или белых, тех идеалов и целей, которые одушевляли участников этой кровавой борьбы.

Между тем на протяжении многих десятилетий наши соотечественники представляли себе эту войну по сочинениям ее победителей. Так, литературный сборник «Перекоп» (М.; Л., 1931) собрал под одной обложкой стихотворные и прозаические тексты, посвященные взятию Крыма Красной армией осенью 1920 года; однако все они написаны авторами, разделявшими позицию красных, хотя немало произведений на ту же тему было создано и в противоположном лагере.

В конце XX века голоса побежденных также получили право быть услышанными. Однако для массового читателя творчество белого лагеря до сих пор остается намного менее известным. Примечательно, что в двухтомной антологии «Гражданская война в лирике и прозе», вышедшей в 2002 году в издательстве «Дрофа» и с тех пор неоднократно переизданной¹, враждовавшие стороны представлены в далеко не равной мере: тексты, отразившие позицию красных, сохраняют господствующее положение — как по своему объему, так и по числу представленных авторов.

¹ См., напр.: Гражданская война в лирике и прозе: В 2 т. / Сост., вступ. ст., коммент. С. Н. Семанова, П. И. Руднева, Г. В. Иванова. М., 2014.

Восприятие литературы как национально-исторического явления (и восприятие истории в целом) формируется, прежде всего, в средней школе. В школьной программе тема революции и гражданской войны неизменно была представлена произведениями В. В. Маяковского, А. А. Фадеева, М. А. Шолохова, что с детства формировало у новых поколений соответствующий взгляд на изображаемые события. В начале XXI столетия на уроках литературы, казалось бы, приветствуется возможность сопоставления различных мировоззренческих позиций². Школьная программа (по крайней мере, в специализированных гуманитарных классах) позволяет, как указывает специалист, познакомиться и с позицией красных («Разгром» А. А. Фадеева, «Тихий Дон» М. А. Шолохова), и с позицией «над схваткой» («Белая гвардия» М. А. Булгакова, «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака)³. И лишь позиция белого лагеря никем и ничем не представлена (упомянутый роман М. А. Булгакова, несмотря на его название, не изображает противостояние красных и белых; как и созданная на его основе пьеса «Дни Турбиных», он не дает представления о смысле и целях Белого движения, на что еще в 1931 г. указывал В. Ф. Ходасевич⁴). Однако столь явная асимметрия, похоже, не смущает ни авторов программ, ни педагогов. «Художественные произведения, посвященные теме революции и гражданской войны, позволяют школьникам сформировать собственную позицию», — утверждает один из них⁵. Но каким же образом школьники сумеют сделать свой независимый мировоззренческий выбор, если у них нет возможности познакомиться с позицией одной из двух противоборствующих сторон?

Данная антология представляет собой попытку дать писателям красного и белого лагеря действительно равное право голоса. Она построена таким образом, что авторы, которые видят одно и то же историческое событие или проблему из двух противоборствующих лагерей, соседствуют друг с другом. Вслед за фрагментом из романа А. Н. Толстого «Хмурое утро», в котором дается советская интерпретация Ярославского восстания 1918 года, следуют

² См.: *Мацыяка Е. В.* Методика изучения темы революции и гражданской войны на основе сопоставительного анализа на уроках литературы в 11-м гуманитарном классе. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2003.

³ Там же. С. 12.

⁴ *Ходасевич В. Ф.* Смысл и судьба «Белой гвардии» // Ходасевич В. Ф. Книги и люди. Этюды о русской литературе. М., 2002. С. 374–378.

⁵ *Мацыяка Е. В.* Указ. соч. С. 2.

главы повести Л. Ф. Зурова «Кадет», отразившей воспоминания белых офицеров — участников этого восстания. Вслед за фрагментом повести Б. А. Лавренева «Седьмой спутник», где наступление Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича на Петроград изображается с точки зрения красных, размещены фрагменты повести А. И. Куприна «Купол святого Исаакия Далматского», где то же самое наступление увидено из лагеря белых. Вслед за стихотворением А. И. Несмелова «Ловкий ты и хитрый ты...», где создан портрет белого кавалериста, отступившего «до степей Монголии», в антологии следует рассказ Вс. В. Иванова «Дитё», в котором гражданская война идет именно в этих монгольских степях. Таким образом, книга представляет собой непрерывный диалог красных и белых авторов. Наиболее наглядный пример тому — соседство агитационного текста Д. Бедного (Е. А. Придворова) «Обманутым братьям в белогвардейские окопы» и ответной стихотворной прокламации С. Кречетова (С. А. Соколова) «Обманутым братьям в красные окопы», первые строчки которых зеркально отражают друг друга.

Антология включает биографические справки об авторах, чьи произведения она объединяет, и комментарии к этим произведениям. В соответствии с темой книги, комментарии были составлены с максимальным вниманием к изображенным в произведениях историческим лицам и событиям, чтобы читатель смог самостоятельно оценить соотношение вымысла и реальности в том или ином сочинении. В антологии представлены как малоизвестные литераторы, о жизни которых удалось собрать совсем немного сведений, так и прославленные писатели, биографии которых широко известны. Применительно к последним отмечались главным образом те факты, которые были значимы в интересующем нас историческом контексте. В ноябре 1918 года М. И. Лацис дал сотрудникам ЧК следующую инструкцию по допросу обвиняемого: «Первый вопрос, который вы должны ему предложить, — какого он происхождения, воспитания, образования и профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого». Включенные в данную антологию биографические справки в первую очередь отвечают именно на эти вопросы, столь часто определявшие участь того или иного современника революции.

Подавляющее большинство поэтов и прозаиков, объединенных этой книгой, были непосредственными участниками гражданской войны либо членами их семей. Среди представленных здесь авторов — белые военачальники и подчиненные им офицеры, рядовые

красноармейцы, их командиры и комиссары. Созданные ими художественные образы, отражая не только историческую реальность, но в первую очередь внутренний мир своих творцов, тем самым открывают читателю душевный облик людей, выбравших в этой войне ту или иную сторону, дают возможность сопереживать вольным и невольным участникам описанных ими трагических событий. В этом отношении их сочинения представляют собой не только литературные произведения, но и ценные исторические документы. Именно поэтому при отборе текстов для антологии сочтено было возможным включить в нее не только произведения высокого художественного уровня, но и упомянутые выше рифмованные прокламации или, например, стихотворения Н. Н. Снесаревой-Казаковой и М. Колосовой (Р. И. Виноградовой), которые А. Л. Бем называл «литературной периферией», справедливо усматривая в них «примитивизм», поэтические штампы и готовые формы выражения⁶. Подобные сочинения в не меньшей (а, может быть, и в большей) степени, чем литературные шедевры, представляют собой богатый материал для исследования архетипов и стереотипов массового сознания по обе стороны фронта.

В первой части антологии собраны произведения, явившиеся откликом на конкретные вехи гражданской войны: они сгруппированы в соответствии с хронологией изображенных событий и основными регионами боевых действий. Вторая часть объединяет тексты, представляющие наиболее характерные для гражданской войны коллизии и человеческие типы (революционный матрос, юный офицер-доброволец, комиссар, сестра милосердия, присоединившийся к одной из воюющих сторон иностранец и т. д.), а также сочинения, в которых писатели старались обобщить идеалы и воззрения противоборствующих сторон и осмыслить характер их борьбы.

Собранные под одной обложкой, представленные произведения дают богатую пищу для размышлений над антропологией и психоментальными основаниями гражданской войны. С одной стороны, по обе стороны фронта участники этой войны испытывали похожие чувства (азарт боя, упоение победы, страх смерти, тоску поражения), терпели голод, холод и другие физические тяготы; достаточно сравнить во многих деталях похо-

⁶ Литература русского зарубежья (1920–1940): учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Отв. ред. Б. В. Аверин, Н. А. Карпов, С. Д. Титаренко. СПб., 2013. С. 797.

жие картины отступления Красной армии в романе А. Веселого (Н. И. Кочкурова) «Россия, кровью умытая» и отступления Белой армии в романе В. Я. Зазубрина (Зубцова) «Два мира». С другой стороны, при сопоставлении произведений, созданных в противоборствующих лагерях, видна разница в отношении к неотделимым от войны нравственным проблемам.

В «красной» словесности, по контрасту с «белой», многократно звучат призывы не просто победить, а непременно убить противника. Прежде всего, это призывы к уничтожению людей по социальному признаку. В этом отношении типичны строки, опубликованные в ходе гражданской войны под псевдонимом «Сандро»: «Вперед на богачей, / Губи, дави их, бей!»⁷. Однако к смерти приговариваются и «социально близкие» люди, если те поддерживают противников революции. В начале 1919 года в газете «Красный набат» появилось за подписью «Земляк» стихотворение «Красноармеец», где боец Красной армии отвечает на вопрос «А кого же ты в битве застрелишь? / Кто умрет на холодном штыке?»:

Если бедный стоит за богатых,
Потому что богатый сильнее, —
Я по трупам голодных и нищих
Прoberусь в терема богачей⁸.

Примечательно, что глагол «губить» и выражение «идти по трупам» имеют в русском языке негативные коннотации. В использовании подобной лексики для характеристики «своей» стороны заключен, на первый взгляд, парадокс. Объяснить его можно либо тем, что авторы подобных сочинений стремились имплицитно дискредитировать власть большевиков (а из контекста видно, что это не так), либо тем, что данные тексты опираются на иную, не свойственную прежней русской культуре (и потому не успевшую отразиться в языке) систему этических оценок. В этой новой системе духовно-нравственных координат беспощадность занимает то почетное место, которое раньше принадлежало милосердию. Ненависть к противнику осмысливается как этическая ценность — например, в стихотворении А. А. Прокофьева «Разговор по душам», которое читатель найдет в этой антологии.

⁷ Фронтовая поэзия в годы гражданской войны. М., 1938. С. 10.

⁸ *Голдин В. Н.* Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917–1919 годы. Кн. первая. Екатеринбург, 2006. С. 78.

По контрасту, в литературе «белого» лагеря этические оценки традиционны⁹. Милость к врагу подчеркнута, например, в мемуарной повести А. И. Куприна «Купол святого Исаакия Далматского», где белый генерал внушает подчиненным: «Война не страшна ни мне, ни вам. Ужасно то, что братьям довелось убивать братьев. <...> Пленному первый кусок». Жалостью к погибшим красноармейцам (т. е. воинам вражеской, с точки зрения авторов, армии) исполнены стихотворение М. И. Цветаевой «Ох, грибок ты мой, грибочек...» и финал рассказа И. С. Шмелева «Гунны». Показательно и отношение к дезертирам: в стихотворении А. А. Прокофьева «Измена Енборисова и Каюкова» красные бойцы, покинувшие фронт ради возвращения к своим семьям, вызывают гиперболические проклятия; в поэме М. И. Цветаевой «Перекоп» перебежчики из милого автору белого стана в Красную армию описаны с пониманием и сочувствием, хотя правота белых для автора не подлежит сомнению.

Гражданская война отличается от других вооруженных конфликтов тем, что во враждующих лагерях нередко оказываются члены одной семьи. Закономерно, что к ней нередко применяется эпитет «братоубийственная». Эта особенность военного противостояния порождает трагические коллизии, многократно отраженные в художественной литературе. В стихотворении А. А. Прокофьева «Повстречались в бою сын с отцом» и в рассказе М. А. Шолохова «Родинка» отец убивает в бою своего сына — красного кавалериста; в рассказе И. Э. Бабеля «Письмо» и в представленном в антологии «Бахчевнике» М. А. Шолохова сын, сторонник красных, убивает выступающего за белых отца. В стихотворении А. А. Барковой «Милый враг» лирическая героиня готова застрелить возлюбленного, пребывающего в рядах врагов; такой же выстрел становится развязкой повести Б. А. Лавренева «Сорок первый». Таким образом, в советской литературе закон классовой борьбы оказывается выше родственных, кровных связей, выше любви. По контрасту, в романе П. Н. Краснова «Понять — простить» белый офицер, с разрешения своего начальства, сознательно уклоняется от боя, в котором со стороны красных участвует его отец — в этой картине мира семейные узы и библейские заповеди важнее требований войны. Особое место среди произведений, посвященных гражданской

⁹ Подробнее см.: Шешунова С. В. «Это, братцы, война не военная...»: гражданская война в произведениях «красных» и «белых» писателей // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. Выпуск 1. С. 41–54.

войне, занимает рассказ И. И. Савина «Пароль»: писатель, воевавший и выступавший в своем литературном творчестве на стороне белых, утверждает здесь возможность национального единения и примирения на основе традиционных для русской культуры духовных ценностей.

Материал антологии позволяет осмыслить связанные с гражданской войной мифы. Так, в советской литературе белые неизменно изображаются как защитники «старого порядка» и социального неравенства. В соответствии с этим мифом литературные персонажи-белогвардейцы — как правило, дворяне (особенно яркий пример в этом отношении представляет повесть А. Г. Малышкина «Падение Дaira»). В литературе «белого» лагеря главным героем также нередко выступает офицер из дворянского сословия, выросший в родительской усадьбе. Таковы, например, герой повести Л. Ф. Зурова «Кадет», многие персонажи романов П. Н. Краснова. Однако подчеркивается и всесословная, общенациональная природа той же военной силы. И. С. Шмелев, выступавший в своей публицистике адвокатом Белого движения, утверждал: «То были — не “помещичьи сынки”, не ”барское отродье” <...> — как лжецы писали: то были сыновья России. Были среди них казаки, и сыновья купцов, рабочих, мещан, крестьян, дворян, — всего народа»¹⁰. Это обобщение писатель воплотил и в художественных произведениях¹¹, из которых в антологию вошел рассказ «Сила». У других представленных в антологии авторов также не раз возникают образы солдат из простонародья, выступающих убежденными сторонниками белых — Суворов в «Куполе святого Исаакия Далматского» А. И. Куприна, Егоров в повести Б. Ропшина (Б. В. Савинкова) «Конь вороной» и др.

Свое знаменитое стихотворение «Гражданская война» М. А. Волошин заключил утверждением своей позиции «над схваткой»:

А я стою один меж них
В ревушем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

¹⁰ Шмелев И. С. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика. М., 1998. С. 428.

¹¹ См.: Шешунова С. В. Белое движение в творчестве И. А. Бунина и И. С. Шмелева // Россия в эпоху великих потрясений: Научный сборник к 50-летию А. С. Кручинина. М., 2018. С. 523–532.

Однако возможность подобного нейтралитета, при всей ее желанности, иллюзорна. Сама лексика стихотворения свидетельствует, что одна из противоборствующих сторон всё же вызывает у автора большее сочувствие:

В одних доселе не потух
Хмель незапамятных пожаров,
И жив степной, разгульный дух
И Разиных, и Кудеяров.

В других — лишенных всех корней —
Тлетворный дух столицы Невской:
Толстой и Чехов, Достоевский —
Надрыв и смута наших дней.

Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле...

В других весь цвет, вся гниль империй,
Всё золото, весь тлен идей,
Блеск всех великих фетишей
И всех научных суеверий.

Верна ли такая характеристика красных и белых участников гражданской войны, предоставим судить читателю этой антологии.

